

Габор Вадерна

PhD, доцент, кафедры истории венгерской литературы XVIII–XIX вв., гуманитарный факультет, Университет имени Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия / старший научный сотрудник, Институт венгерской литературы, Центр гуманитарных исследований, Исследовательская сеть имени Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия. 1088, Múzeum krt. 4/A. E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Окказиональная поэзия — репрезентативная поэзия. Поэтическая репрезентация брака палатина Иосифа Габсбурга и великой княжны Александры Павловны

30 октября 1799 г. в Санкт-Петербурге 16-летняя великая княжна Александра Павловна вышла замуж за 23-летнего австрийского эрцгерцога Иосифа — палатина (наместника) Венгрии. У брака, разумеется, были династические цели: Габсбурги и Романовы хотели усилить политический союз против Франции. 1 февраля 1800 г. молодожены прибыли в столицу Венгрии — Буду, где их встретили торжествами, растянувшимися на несколько месяцев. Для венгерского дворянства и горожан Буды и Пешта это не только послужило поводом для выражения уважения молодой чете, но и позволило сформулировать политическую позицию: что они ожидали от палатина, на что надеялись в войне с Францией, каковы были обязанности юной супруги? Стихотворения часто декламировали вслух, их нередко пели, а иногда печатали типографским способом и вручали на различных торжествах (балы, театральные представления, маскарады и т.п.). В статье рассматривается поэтическая традиция, которой следовали авторы поэм, и анализируются поэтические приемы, использованные для выражения политических взглядов.

Ключевые слова: свадебная поэзия, дипломатия, политические торжества, публичная сфера

Цитирование: *Вадерна Г.* Окказиональная поэзия — репрезентативная поэзия. Поэтическая репрезентация брака палатина Иосифа Габсбурга и великой княжны Александры Павловны // *Центраальноевропейские исследования.* 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 281–309. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.12.

Венгерский историк Андраш Вари (1953–2011) в свое время указал на сдвиг, в результате которого в Габсбургской монархии начала XIX в., с одной стороны, «государство стало властью», и, с другой стороны, «дворяне стали интеллектуалами». Ситуация была необычной: все, что оставалось неизменным, сохраняло собственную социальную логику и традиции, зато все, что вытеснялось из привычной среды, присваивалось государством (историк иллюстрировал этот процесс примером науки статистики)¹. В сложившихся обстоятельствах обретали значимость современные аргументы, которым предстояло изменить общественные отношения с точки зрения общего блага или общественного счастья. Во втором случае поэзия, созданная для публичной сферы, в момент, когда начались изменения в политической и культурной роли дворянства, уже насчитывала не одно столетие. Древность поэтической традиции, старые методы политической коммуникации продолжительное время сосуществовали с институтами новой, буржуазной политической сферы. Конечно, «образованные слои» (*gebildeten Stände*)² тоже искали свое место в меняющемся обществе. Не случайно поэты, которые активно участвовали в создании новых культурных институций и отдавали предпочтение художественным идеалам неоклассицизма, стали авторами репрезентативной поэзии. Они последовательно критиковали «оказиональную поэзию», которая, собственно, тоже была репрезентативной поэзией, но при этом по иронии могли писать в старой жанровой стилистике и владели архаичными литературными формами. Это означало, что культурный трансфер между репрезентативной и буржуазной поэзией, несмотря на концептуальные расхождения, был значительным. Немыслимый объем поэтического материала, который последующие поколения сочли слабым и даже невыносимым для чтения, на деле оказывается не столько инвариантностью поэтической формы или отсутствием творческой оригинальности, сколько простым исчезновением из институализированной поэтической жизни репрезентативных поводов. Новые авторы определяли квалификационные требования профессии так, чтобы получить монополию на дискурс о ней. Парадоксальным образом, профессия литератора определялась тем фактом, что авторы постоянно отрицали, что это

¹ Vári 2003: 47.

² Bödeker 1989.

была профессия. Инаугурационное приветствие, свадебное поздравление, прощальное слово на погребении — во второй трети XIX в. сами поводы к подобным сочинениям говорили о том, что они создавались вне рамок литературы.

Эти быстрые перемены нельзя объяснить дезинтеграцией нормативной поэзии или структурными изменениями в публичной сфере. Они происходили очень медленно. Можно сказать, что поэзия словно шла впереди социальных перемен. Следовательно, объяснение лежит в какой-то иной плоскости. Чем больше публиковалось окказиональных стихов, тем меньшей становилась ценность репрезентативной поэзии. Увеличение количества и видов печатной продукции, особенно дешевой, превратило ее в индикатор степени репрезентативности. А затем бурный рост репрезентативной поэзии закрыл перед ней возможности обновления. Когда политическая коммуникация перешла в прессу как средство массовой информации, дешевые, одностраничные оттиски, в которых печатались произведения в жанре репрезентативной поэзии, практически исчезли.

В статье речь пойдет о свадьбе. Событие было столь значительным, что память о нем сохранилась во многих литературных источниках. Торжества растянулись на месяцы. Меня интересует возможность исследовать богатство приемов репрезентативной поэзии. Однако, прежде чем обратиться к бракосочетанию палатина (наместника) Иосифа Габсбурга (1746–1847) с великой княжной Александрой Павловной (1783–1801), необходимо рассмотреть поэтическую традицию свадебной поэзии.

Эпиталама

Специалисты в жанре эпиталамы обычно указывают на ее античные корни: фрагменты поэзии Сапфо (ок. 630 г. до н. э. — ок. 570 г. до н. э.), свадебные гимны Аристофана (ок. 446 г. до н. э. — 386 г. до н. э.), идиллия XVIII Феокрита (? — 260 г. до н. э.), Песни 61, 62 и 64 Гая Валерия Катулла (ок. 87 г. до н. э. — ок. 54 г. до н. э.), окказиональные поэмы Публия Папиния Стация (40-е гг. — ок. 96 г.) и позднее Клавдия Клавдиана (370–404). Новолатинская поэзия и сочинения на живых европейских языках процветали с эпохи Ренессанса до наступления современной эры. Излюбленная авторами форма диалога роднила

жанр с пасторальными идиллиями, но во все века рождались эпиталамы в жанре элегии, оды и, конечно, песни³.

Некоторые пошли еще дальше и предложили считать эпиталаму не жанром, а тематической подгруппой лаудативной поэзии⁴. Такой подход оправдан в том смысле, что четкие границы жанра действительно трудно очертить, и остается вопрос: всякая ли свадебная песня может считаться эпиталамой. В конце концов, исследователи сошлись на том, что эти тексты создавались по определенным поводам, и их жанр определяется не столько поэтическими нормами, сколько социальными практиками⁵.

Томас М. Грин в 50-е годы XX в. в исследовании, посвященном Эдмунду Спенсеру (1552–1599), выделил характерные черты свадебной поэзии⁶.

Во-первых, участники свадебных торжеств были в большинстве дворянского происхождения (это скорее подходит для континентальной Европы, чем для Англии), но сам поэт мог не быть дворянином, поскольку многие в ту эпоху зарабатывали стихами на жизнь. Таким образом, клиент должен был быть достаточно богат, чтобы оплатить панегирик.

Во-вторых, эпиталама сочинялась по классическим образцам, прежде всего Песне 61 Катулла. В арсенале поэта был набор специфических топосов, общих мест, парабол, маркеров, традиционных пожеланий и принятых техник. Согласно Грину, авторы эпиталам, в отличие от поэтов, творивших в других жанрах, располагали гораздо меньшей свободой в выборе источников для имитаций. Здесь я добавлю, что это можно объяснить тем, что школа знакомила с довольно скудным набором античных (ренессансных и новолатинских) образцов.

В-третьих, эпиталама была неотделима от социального повода, по которому сочинялась. Она стала формой развлечений, сопровождавших свадебную церемонию, тесно связанной с другими элементами действия, такими как музыка, танец, песня и в некоторых странах даже маскарад (что, впрочем, не было характерно для Венгрии).

³ См. монографическое исследование жанра эпиталамы главным образом на английском материале, но с экскурсом в античную литературу: Tufte 1970. Критический анализ книги см.: Greene 1971.

⁴ Fowler 1971: 202.

⁵ См.: Tufte 1971.

⁶ Greene 1957: 218–220.

В-четвертых, эпиталама имела точную привязку к одному-единственному дню. Грин полагал, что приветственное стихотворение, содержащее добрые пожелания, еще не было собственно эпиталамой, которая тесно увязывалась со свадебным ритуалом и давала повод для нарративного контекста. Религиозный обряд, свадьба, брачная ночь (первый половой акт и потеря девственности) формировали набор ритуалов, которым эпиталама создавала интерпретационные рамки. Соответственно, стихотворение драматически окрашивало события и посвящалось не формальному поводу — свадьбе, но ряду специфических действий, которые ее сопровождали.

В-пятых, поэма включала лирического героя, который определял себя как представитель публики. На манер Катутла он был распорядителем церемонии, который обращался к Гименею, велел девушкам петь, приветствовал невесту, назначал брачное ложе, велел мужчинам поднять факелы и петь, приветствовал их любимого раба и иногда говорил о себе⁷. Конечно, эти элементы менялись с ходом времени, но роль поэта оставалась неизменной. Хотя в венгерской репрезентативной поэзии XVIII–XIX вв. все больше места отводилось восхвалению свадебных гостей (особенно родственников), авторы решали эту задачу, образно выступая от их имени. Таким образом, поэт играл исключительно важную роль в формировании социальной идентичности.

К этому списку имеет смысл добавить еще один пункт. Грин цитировал короткое, но емкое определение, данное аббатом Ж.-Б. Суше в первой половине XVIII в.: «Цель эпиталамы — объяснить новобрачным, в чем счастье их союза, как похвалами, которые постоянно звучат в их адрес, так и указанием на преимущества, которые ждут их в будущем»⁸. У эпиталамы был этический повод: новобрачные должны были познать «счастье». В этом смысле набор брачных обрядов был связан с добродетелями, необходимыми для будущего супружества. Именно по этой причине восхваление молодых становилось в XVIII в. все более важным. Поэт мог перечислить все добродетели,

⁷ Грин ссылается на: Greene cited: Wheeler 1934: 200.

⁸ *Souchay, l'Abbé*. Discours sur l'origine et le caractère de l'épithalame // Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres, avec Les Mémoires de Littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCXXXI. jusque & compris l'année M. DCCXXXII. Paris: de l'Imprimerie Royale, M. DCCXXXVI. T. IX. P. 311. Ср.: Greene 1957: 221.

необходимые мужчине и женщине для счастливого брака. При этом Грин отличал традиционную эпиталаму от дидактической любовной поэзии, что справедливо для раннего Нового времени, но в XVIII в. произошло смешение этих мотивов.

Палатин Иосиф и Александра Павловна

Палатин Венгрии, эрцгерцог Александр Леопольд, трагически погиб 10 июля 1795 г. в Лаксебурге в момент неудачного запуска фейерверка. Его младший брат Иосиф 20 июля был назначен наместником императора в Венгерском королевстве, затем, 12 ноября 1796 г. на Государственном собрании в Пресбурге сословия избрали его палатином, что также означало председательство в Королевском наместническом совете и Королевском верховном суде, должность фёйшпана (условно говоря, губернатора) комитата Пешт и чин капитана привилегированной области Яскунша⁹. В должности он пробыл до своей кончины в 1847 г. Палатин как главный посредник между сословиями и двором традиционно привлекал большое внимание, о чем свидетельствует в том числе и переписка Александра Леопольда и Иосифа с императором, хранящаяся в фондах Австрийского государственного архива и опубликованная в середине 20-х годов XX в. венгерскими историками¹⁰. Палатин Иосиф стал культовой фигурой венгерской истории, и не только в силу того, что не одно десятилетие занимал эту должность, но и потому что сделал много для развития Пешта и Буды как культурных центров королевства. С его именем, таким образом, оказалось связано немало публичных событий и мероприятий.

Наконец, палатин Иосиф был важным лицом современной дипломатии. Он родился в 1776 г. и был пятым сыном императора Леопольда II (1790–1792 гг.), позднее его старший брат Франц II (I) правил Австрийской империей (1792–1835 гг.), Фердинанд получил великое герцогство Тосканское, Карл носил чин фельдмаршала, Александр Леопольд стал палатином в Венгрии. Вполне логично, что после смерти брата Иосиф унаследовал его должность, но

⁹ Здесь и далее биографические сведения о палатине Иосифе взяты из: Horváth 1864: 12–15; Domanovszky 1944; Vörös 1983.

¹⁰ Sándor Lipót főherceg nádor iratai 1790–1795 / szerk. E. Mályusz. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1926. 939. old.; József nádor iratai / kiadta és magyarázatokkal ellátta S. Domanovszky. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1925. 1. köt. 1792–1804.

в силу рождения и династических связей он не только занимался дипломатическими аспектами взаимоотношений венгерских сословий и двора, но представлял интересы империи. Женитьба была одной из его важнейших дипломатических миссий: брак должен был упрочить международное положение Австрийского дома в войне против Франции¹¹.

Предыстория первого, короткого брака эрцгерцога Иосифа может быть в деталях воссоздана на основании его обстоятельной биографии, написанной венгерским историком Шандором Домановски (1877–1955)¹². В войне против французов император Франц хотел усилить союз с Россией, и после дипломатических приготовлений решил отправить одного из братьев в Санкт-Петербург, чтобы тот просил руки старшей дочери императора Павла I — Александры. Изначально велась речь о том, что великая княжна выйдет замуж за шведского короля Густава IV Адольфа (1792–1809 г.), но этим планам не было суждено осуществиться, поэтому на историческую сцену вышел новый соискатель ее руки и сердца. Сначала венский двор предназначал эту роль эрцгерцогу Карлу, но вследствие интриг, в мельчайших деталях восстановленных Домановски, выбор пал на Иосифа. В январе 1799 г. Иосиф отправился к Санкт-Петербургскому императорскому двору; чтобы покрыть 2 тыс. км как можно скорее, он путешествовал инкогнито. В столицу он прибыл 20 (9) февраля¹³, где был торжественно принят императорской семьей. История романтической влюбленности пересказана Домановски так:

Эрцгерцог с первого взгляда полюбил свою нареченную, великую княжну Александру Павловну, старшую дочь царя, любимицу родителей. <...> Гармоничное чувство, развивавшееся между юной парой, не оставило императорскую чету равнодушными, потому что оба были к ней особым образом привязаны¹⁴.

Письма эрцгерцога в Вену и дипломатическая корреспонденция не позволяют судить о том, насколько чувства были искренними. В любом случае, Иосиф в письме к императору описывал будущую жену такими словами:

¹¹ Schedewie 2015: 13–18.

¹² Domanovszky 1944: 224–268.

¹³ В скобках приводится дата по юлианскому стилю.

¹⁴ Цит. по: Domanovszky 1944: 232.

Великая княжна Александра высока, хорошо сложена и очень мила лицом, к тому же у нее прекрасные манеры и много талантов, она — любимица родителей, которые приложили все усилия к тому, чтобы воспитать ее. В этот момент я безмерно благодарен вашему величеству за решение женить меня на сей принцессе, ибо я уверен, что с ней меня ждет семейное счастье до конца дней¹⁵.

Эрцгерцог долго не раздумывал и 22 (11) февраля попросил руки Александры. Впрочем, упрочение дипломатического союза потребовало больше времени, и как ни стремился Иосиф вернуться домой, ему пришлось задержаться в Петербурге до 20 (9) марта¹⁶.

Положение на фронтах было таково, что церемонию бракосочетания следовало провести как можно скорее: несколько месяцев спустя, 22 (11) сентября 1799 г. Иосиф вновь отправился в путь. На этот раз императорская семья приняла его в Гатчине, своей излюбленной загородной резиденции. Хотя второй визит, бесспорно, носил дипломатический характер, подлинные его цели тщательно скрывались, и Иосиф прибыл 18 (7) октября в Петербург без свиты. О спешке можно судить по тому факту, что львовский архиепископ Каетан Игнатий Кицкий (ок. 1740–1819) был вынужден спешно отправиться на бракосочетание, назначенное на 30 (19) октября, поскольку не было времени вызвать архиепископа из Наследственных провинций. После получения известия о начале войны в Италии свадьбу было решено сыграть как можно скорее. В назначенный день венчание по православному обряду прошло в императорской часовне и по католическому — во дворце. Павел I наградил зятя орденом св. Андрея Первозванного. Дипломаты немедленно приступили к переговорам¹⁷. Заключение брака еще не означало устранения напряженности

¹⁵ Эрцгерцог Иосиф — императору Францу II, Санкт-Петербург, 28 февраля 1799 г., цит. по: József nádor iratai. 271. old. Посол в Санкт-Петербурге граф Иоганн Людвиг Йозеф Кобенцель (1753–1809) писал имперскому вице-канцлеру князю Францу Колоредо (1731–1807): «Эрцгерцог в восторге от своей невесты, и по праву, ибо она очаровательна; здесь все также очень довольны ею» (Санкт-Петербург, 23 февраля 1799 г.). Цит. по: Vertrauliche Briefen des Freiherrn von Thugut österr. Ministers des Äussern / hrsg. von A. Vivenot. Wien: Wilhelm Braumüller, 1872. Bd. II. S. 148.

¹⁶ Эрцгерцог Иосиф заблаговременно попросил императора об официальном отъезде из российской столицы. См.: эрцгерцог Иосиф — Францу II, Вильна, 9 февраля 1799 г., цит. по: József nádor iratai. I. köt. 268. old.

¹⁷ Кобенцель — Тугуту, Гатчина, 1 ноября 1799 г., см.: József nádor iratai. I. köt. 305–308. old.; цит. по: Vertrauliche Briefen des Freiherrn von Thugut. S. 194.

в отношениях между двумя державами. Наконец, 2 декабря (23 ноября) 1799 г. молодожены отправились в путь и прибыли в Вену через месяц, 2 января 1800 г. Отдохнув от долгого путешествия, они 29 января направились в свою резиденцию в Буде, из-за непроходимости дорог въехали в город только 1 февраля¹⁸.

В этот момент началась череда сопровождавших свадьбу торжеств, что и составляет предмет данной статьи. Приемы, театрализованные представления, празднества, организованные горожанами Пешта и Буды, длились не один день. Хотя свадьба эрцгерцога и великой княжны состоялась месяцами ранее в другой стране, Буда и Пешт все равно отмечали это событие. В течение месяца палатин с супругой едва ли не каждый день появлялись на разных мероприятиях, где их встречали оригинально срежиссированными представлениями. Одно из торжеств состоялось в мае 1800 г. (впрочем, на этот раз оно было посвящено тезоименитству Александры). Церемониальные события преследовали две цели: с одной стороны, супруга палатина таким образом знакомилась с венгерскими сословиями (и горожанами Пешта и Буды), с другой стороны, открывалась возможность пышно отпраздновать свадьбу даже спустя месяцы. О важности происшедшего сам за себя говорил тот факт, что в Буде и Пеште сочли своим долгом побывать такие выдающиеся композиторы современности, как Йозеф Гайдн (1732–1809) и Людвиг ван Бетховен (1770–1827). В канун дня рождения палатина 8 марта 1800 г. Гайдн лично дирижировал монументальной ораторией «Сотворение мира» в Буде — это был подарок для Александры. 7 мая Бетховен выступил на концерте в Замоквом театре (Немецком театре) по приглашению графа Ференца Брунсвика (1777–1849). Не исключено, что исполнялась соната для валторны фа мажор (оп. 17), потому что среди исполнителей был знаменитый Джованни Пунто (1746–1803). Выступлением Бетховена завершилась череда церемониальных действ. Александра Павловна, забеременевшая в июне, стала появляться на публике гораздо реже. Наконец, 16 марта 1801 г. после смерти новорожденной дочери, названной Александрой, сама Александра Павловна ушла из жизни вследствие послеродовых осложнений.

Граждане Пешта и Буды, как и дворянские сословия Венгрии, в начале 1800 г. не могли знать, что брак не будет счастливым ни

¹⁸ Sebestyén 1939: 5.

с точки зрения дипломатии, ни в смысле чадородия. Согласно газетным сообщениям, публичные мероприятия начались в момент прибытия Иосифа и Александры в Венгрию: в Пилишвёрёшваре их встретил отряд улан. Торжества продолжились балами, театральными представлениями, живыми картинами и другими сюрпризами вплоть до концерта Бетховена в мае 1800 г. Их перечисление займет не одну страницу. Далее я сосредоточусь на анализе стихотворений, написанных по поводу бракосочетания.

Торжества

Ранним утром 2 февраля 1800 г., на следующий день после приезда, Пешт и Буда были наводнены памфлетами на венгерском, немецком и латинском языках, в более или менее художественной форме прославлявшими палатина и его супругу. Газета *Magyar Hirmondó* («Венгерский герольд») упоминала два из них: стихотворение Бенедек Вирага (1754–1830) на венгерском языке и Йозефа Григея (1760–1818) на латыни (первый был знаменитым венгерским поэтом, второй — новолатинским)¹⁹. Корреспондент написал: «Я прочел эту <...> пастораль господина Григея и могу сказать, что нашел красоту в том, как он говорит о величии в стихах, которые понятны и пасторально просты»²⁰. От этого дня сохранилось несколько стихотворений, хотя не все можно точно датировать²¹.

На другой день, 3 февраля, в Замковом театре состоялось праздничное представление: после двух коротких комедий публику развлекли пиротехническим аттракционом. На сцене установили греческие колонны и гербы России и Венгрии, зажгли огонь, и за прозрачным занавесом возникли имена Иосифа и Александры, составленные из пылающих букв. Затем 36 юных аристократок, наряженных пастушками, исполнили хорал на слова профессора университета Иоганна Людвиг Шедиуса

¹⁹ *Virág B.* Öröm ének, n. p., 1800; *Grigely I.* Gaudia Pastorum, Buda: Typis Regiae Universitatis, 1800.

²⁰ *Magyar Hirmondó.* 1800. 13 II (21.14): 239.

²¹ В этот день были опубликованы следующие произведения: *Cseptsányi G.* Fölséges Józsefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor, Kassa: Landerer Ferenc, 1800; *Horkovits J.* Ad [...] Alexandram Paulownam dum Occasione solennis sui ingressus, n. p., n. d.; *A. R.* Cogitatio fugitiva in abitum glaciae 1. Februarii 1800, Pest: Matthias Trattner, 1800; *Quum Februariis kalendis an. sal. MDCCC.*, n. p., n. d.

(1768–1847) на немецком языке²². Концерт продолжили песни, венгерские и немецкие танцы и живые картины (*tableau vivants*). Ежедневно молодожены принимали нескончаемый поток делегаций, об этом говорилось в стихотворении молодого чиновника Королевского наместнического совета Антона Мартина Штадля, датированном 8 февраля²³.

15 февраля в Будайском замке был дан бал-маскарад. Сначала пары, одетые дикарями, исполняли разные танцы, затем на сцену вышли девять муз, по очереди поприветствовав Александру Павловну. Ей был вручен богато украшенный том со стихами на венгерском, немецком, французском, русском и латинском языках. Страницы тома были разных цветов: желтые, зеленые, синие и розовые, обложка обтянута жемчужного цвета шелком, на ней помещался изящный рисунок, контртитул украшала монограмма палатина и его супруги. К сожалению, том в настоящее время считается утерянным (в любом случае, его нет в архиве палатина), но, по крайней мере, отдельные поэмы, такие как песнь, исполнявшаяся хором муз, сочиненная Й. Григелем (в двух версиях!) или речь музы Клио, были напечатаны отдельно и доступны современным исследователям²⁴. После торжественного акта вручения книги молодоженам музы, смешавшись с дикарями, покинули сцену, концерт продолжился.

18 февраля бал давали сословия комитата Пешт, и на нем присутствовали палатин (по должности — глава комитата) и его супруга. После музыки и танцев сословия тоже вручили Александре пышно украшенную книгу. О самом подарке известно немного, но сохранились стихотворения Л. Шедиуса и неизвестного автора с схожей типографикой²⁵. В завершение бала юная дворянка под аккомпанемент лютни продекламировала вышеназванное стихотворение Б. Вирага.

18 марта молодая чета вновь посетила театр. По окончании представления был вновь исполнен хорал Л. Шедиуса в сопровождении

²² *Schedius L., von.* Freuden-Chor zur Feyer, in Musik gesetzt von *** Raymann, Ofen: mit königlichen Universitätschriften, 1800.

²³ *Stadl A. M.* Hilaria Hungarorum in auspiciatissimo Budam adventu [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis, 1800.

²⁴ *Grigely I.* Chorus Musarvm duce Apolline [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800; *Grigely I.* Chorus Musarvm Preside Apolline [...]. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800; *Clio la Muse de l'histoire.* Buda: De l'Imprimerie Royale de l'Université, 1800.

²⁵ *Schedius L.* An [...] Alexandra Pawlowna. Pest: Matthias Trattner, 1800; An [...] Alexandra Pawlowna. Von den Schattenmasken. n. p., 1800.

пиротехнического аттракциона: в дрожащем свете пламени был явлен портрет палатина с надписью: «*noMen CeLebre arDente[s] CeLebrant*» (Славное имя в пламени славят)²⁶.

Последними в ряду торжеств с литературной репрезентацией стали празднования тезоименитства Александры: 5 мая 1800 г. прошла церемония в Венгерском театре, где звучали окказиональные поэмы (тексты не сохранились), 6 мая во дворце графа Тодора Баттяни (1729–1812) был вновь исполнен хорал Шедиуса, который, похоже, палатин и супруга особенно полюбили. Современники писали, что на приеме во дворце и в саду собралось до 6 тыс. гостей. Это представляется явным преувеличением, но, похоже, гостей было действительно много.

Были и другие стихотворения, дату которых трудно определить и невозможно связать их написание с каким-то конкретным событием. Например, это поэма сербской общины (датирована 23 января 1800 г.)²⁷, приветствие еврейской общины (4 февраля), небольшая пьеса-пастораль Й. Григея (12 марта); или именные дистихи Яноша Штанда (19 марта)²⁸.

Основываясь на сохранившихся текстах, можно реконструировать разные репрезентационные пространства и формы. Были авторы, которые писали «впрок», как Дёрдь Бучански, учитель начальной школы из Пресбурга, заранее сочинивший эпиталаму для свадьбы²⁹, или сербская община Пешта: в их поэтическом обращении говорилось, что они слышат голос эрцгерцога, он же тем временем еще был в дороге.

Сербы возлагали большие надежды на православную великую княжну, и одну за другой опубликовали в ее честь две поэмы³⁰. Также были изданы обычные в таких случаях надписи ко дню

²⁶ Цит. по: Sebastyén 1939: 15. Надпись содержала так называемую хронограмму — дату, зашифрованную римскими цифрами: MCLDCL вместе давали 1800.

²⁷ Славопаніе ея імператорскому высочеству Милостивѣйшей Александрѣ Павловнѣ, великой княжнѣ всероссійской, венгерскаго королевства Палатинѣ при счастливомъ случан ея всерадостнаго пришествіа въ Будинъ градъ; усердіемъ Славено-Сербскихъ питомцевъ ученія, находящихся при Кралевскомъ Всеучилищи Пештанскомъ всепокорнѣйше поднесеное Іаннуаріа 23. Дня 1800 года, Въ Будинѣ: Писмены Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго, 1800

²⁸ *Stand J.* Ó királyi hertzezségének Magyar Ország nádor-ispányának József ertz-hertzeznek neve' napjára ajánlott öröm-ének. n. p., 1800.

²⁹ *Bucsánszky G.* Epithalamion. Posen: Ioannis Michaelis Landerer, 1799.

³⁰ Пришествію ихъ пресвѣтлѣйшихъ высочествъ Іосифа кралевича ерцгерцога Австріи венгерскаго королевства палатина и Александры Павловны імператорскія великія княжны перворожденныя августѣйшаго государя всея Россіи счастливымъ

бракосочетания³¹, и этот прием повторился, когда молодожены прибыли в Пешт³². Некоторые поэты принесли поздравления от своих патронов: Ференц Надь, ректор католической семинарии в Веспреме, говорил от имени сословий комитата Веспрем; один из студентов-греков из Пештского университета написал приветствие для декана Иштвана Сюча на греческом, полагая, возможно, что княжна немного знает этот язык³³. Другой поэт, Иштван Рац, написал о молодой чете так, что адресатом поэмы оказались не они, а барон Антон Браунэкер (не исключено, его патрон)³⁴. Конечно, данный список нельзя считать полным: с одной стороны, не все стихотворения сохранились до наших дней (некоторые, скорее всего, даже не были напечатаны), с другой — стихи не были единственной формой выказывания уважения. И тем не менее этот материал можно использовать для того, чтобы посмотреть, как дворянское сообщество пыталось интерпретировать эту свадьбу.

Поэтическая репрезентация

Многие стихотворения были сочинены в жанре эпиталамы несмотря на то, что церемония бракосочетания состоялась ранее. Йозеф Матяши нашел выход: датировал окказиональную поэму, опубликованную в 1800 г., предыдущим годом (что не исключает возможности, что он написал ее именно тогда)³⁵. Другие довольствовались привычным

сочетанныхъ бракомъ восклицанія и всеобщая желанія въ Будинѣ въ мѣсяцѣ февралѣ 1800, Будин: писмены Кралевскаго Всеучилища Пештанскаго, 1800; Славопѣніе ея императорскому высочеству, 1800.

³¹ Ad epithalamium caesareo regio principum Iosephi et Alexandrae Pavlovnae, Pesth: Matthias Trattner, 1799; Votum Pannonis, Pesth: Matthias Trattner, 1800.

³² Adventui serenissimorum principum Iosephi [...] et Alexandrae, Buda, 1800.

³³ Taedae nuptiales [...] Iosephi, et Alexandrae. Veszprém: Michaelis Sammer, 1800; Σὺ-ῆς Σ. Ἡθοποία δραματικὴ ἐπιθαλάμιος εὐκωμίων τε καὶ εὐχῶν ὑπόθεσιν ἔχουσα τοῖς ἐκλαμπροτάτοις, γαληνοτάτοις, θεοστυρίκτοις τε καὶ χαριτωνύμοις μεγάλοις Ἡγεμόσι Ἰωσήφ Παλατινοῦ Οὐγκαρίας, καὶ Αλεξάνδρα Παυλοβίδι μεγάλη πρίγκιπιν τῶν Ρώσσοῦν ἐπὶ τῆ ἐκλάμπρῳ αὐτῶν Συζυγία τῆ γενομένη ἐν τῆ της Μοσχοβίας Μητροπόλει [Поздравления и пожелания по случаю блестящего бракосочетания великолепного, миролюбивого, богохранимого и любезного Великого Палатина Венгрии Иосифа и Великой княжны Русской Александры Павловны, состоявшегося в Московской Митрополии]. Πέστη: Τύποις Φρανγκίσκου Πάτζκου, 1800.

³⁴ *Rác I. Józsefnék [...] és Alexandrának [...] szent házasságokra készült örvendezés, mellyet Brauneker Antal' Király Tanácsos Úrnak 's a' t. ajánlja. Pozsony: Wéber Simon Péter, 1800.*

³⁵ *Mátyási J. Akkori gondolatok, midőn [...] József [...] Alexandra Paulownát el-jegyzette, 1799. Pest: Trattner Mátyás, 1800.*

В этой поэме аллегория расширяется очень туманно: ликование природы дополнено радостью «паннонских дев»:

Nos quoque Pannoniae clara de stirpe	А нам, дочерям Паннонии лучших
puellae,	фамилий,
Nos quoque dum niveam PHYLLIDA	А нам, пока занят лилейной
DAPHNIS habet ⁴¹	Филлидой Дафнис,..

И, конечно, для этого рода поэзии были характерны не только сонм богов и перечисление добродетелей, но и сопровождающие брак образы земного изобилия. Не случайно, что в заключительных строках другой эклоги Й. Григея пастух упоминает о «деревенских жертвенных дарах»:

Mel, pira, roma, nuces, quid enim nisi	Фрукты, орехи и мед — что еще,
rustica possum	сверх плодов деревенских,
NVMINIS ante fores adpendere	могу у дверей БОЖЕСТВА
munera? Postes	повесить в подарок? А после
Dein AVGVSTORVM versu signabo	Вход к АВГУСТЕЙШИМ стихом
Maronis:	я украшу Марона:
HIS EGO NEC METAS RERVМ,	Я МОГУЩЕСТВУ ИХ НЕ КЛАДУ
NEC TEMPORA PONO	НИ ПРЕДЕЛ, И НИ ГНЁТ!
Dum me Buda tenet, teneat te cura	Занят я в Буде пока — пусть займет
bidentum	тебя мысль о ягнятах,
Tityre, quin etiam pecudes ad flumina	Титир, скотину гони на водопой ты
pelle;	к ручью,
Debita nam saturis dudum fuit hora	Ибо сытым стадам давно ужевремя
bibendi. ⁴²	напиться..

Обе поэмы Григея были связаны с венгерскими реалиями. Мир мифов дополнен земным уровнем, где жители радуются только что заключенному союзу или просто поят скот на берегах Дуная. Опять же, такое осовременивание может толковаться по-разному: свадьба сама по себе возвышает место действия (берег Дуная стал землей пастухов), но она также может быть контрапунктом к неоплатонической божественности княжеской четы. В стихотворении Йозефа Хорковича возникли даже погодные условия (из-за обледеневших дорог молодая чета вынужденно прерывает путь):

⁴¹ *Grigely J.* Lusvs pastoritii devoti honoribvs [...] Iosephi Antonii [...] et Alexandrae Pawlownae. Buda: Typis Regiae Universitatis Pestiensis, 1800. P. 3.

⁴² *Grigely J.* Gaudia Pastorum. P. 12.

Rauscht nun Ister freudger in die Tiefen Des Meers; — So feyert die Natur Den holden Tag, und huldiget im Glanze Dem hohen Neuvermählten Paar ⁴⁵ .	Еще резвей стремится Истр в глубины Морские — так природа чтит Чету молодоженов августейших, Блестя празднику под стать.
--	--

Контекст, в котором могло декламироваться стихотворение, можно интерпретировать по-разному. Есть стихи, в которых описывались не конкретные обстоятельства свадьбы, а военная ситуация, которую брачный союз должен был устранить.

E' világ' két nagy birodalminak már Győzetlen forró szeretet vezérli Karjait; minden fene békétlenek Fegyvere ellen ⁴⁶ .	Две мира этого великие державы Непобедимая любовь соединила: Теперь они рука в руке против злодеев, Грозящих мир оружием погубить.
--	---

Очевидно, что «любовь» здесь употреблена в более высоком, политическом смысле, подобно тому, как альянс двух империй представлен как брак. Габор Чепчани (1775–1841), учитель математики из Кашши, начав с подобных рассуждений, перешел к борьбе между свободой и рабством и в нескольких строфах бичевал французов. Иштван Рац (?–1833), учитель венгерского языка из королевской академии в Загребе, уже предвидел плоды союза между Российской империей и Габсбургами.

Ime! Márs járván rivadó mezőben, A' midőn Alpes tetejét el-hagyta, 'S a' kevély Frantzok' seregét ki-űzte Róma' öléből,	Гляди! Марс шествует по блещущему полю, Спустившись с альпийских вершин, И войско гордых французов изгнав Из римского лона,
A' midőn két fő Sasi Tzímer egygyütt Mindenütt győzött nemesültt erővel Fő-Vezér KAROLY, 's SZUVAROW Vitézzel. Hartzra ki-szállván ⁴⁷ .	Когда гербы с двуглавыми орлами побеждали Повсюду вместе с благородной силой, Вступали в бой фельдмаршал КАРЛ И богатырь СУВАРОВ с ним.

⁴⁵ Halitzky A. Ode auf die Freudenreiche Ankunft ihrer kaiserlichen Hoheit Alexandra Pawlowna [...] der hohen Anvermählten seiner königlichen Hoheit Iosephs Antons, Ofen: Gedruckt mit Königl. Universitätschriften, 1800. S. 4–5.

⁴⁶ Cseptsányi G. Fölséges Jósefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor. 4. old.

⁴⁷ Rác I. Józsefnek [...] és Alexandrának. 3. old.

Сербы города Пешт, еще более смело мечтая, предрекали триумф «российской храбрости»:

УСТУПИЛЪ. РОССІЙСКОЙ. ХРАБРОСТИ.
И. САМЪ. ПРУСКИХЪ. КРАЛЕЙ. ФИНИКСЪ.
ВЯЩІЙ. ПУНИЧЕСКАГО. АННИВАЛА.
ИСКУССТВОМЪ. ВОЙНЫ. МИРА⁴⁸

Янош Кризостом Ганнулик (1745–1816) — частый гость при русском императорском дворе⁴⁹, связал возвышение Буда с наступлением долгожданного мира:

Tu Buda quondam Pannoniæ nimis
Dilecta sedes Regibus, in tuo
Josephum, Alexandramque sponso
Læta fove gremio repostos.

Ты, Буда, когда-то любимый приют
Монархов паннонских, в своё
Лоно Иосифа и Александру, супругов,
Вновь счастливо прими.

Divesque tantis hospitibus, caput
Superba tolle, et barbaricæ immemor,
Quam Thrax tibi impressit, ruinæ,
Spem gere splendidioris ævi.

В блеске навстречу гостям выступая,
Ты голову гордо носи, позабывши
Рану, что варвар-Фракиец нанес,
Веру храни в перемену судьбы.

Corviniani cultus amænior
(Prædico rerum prospera) sæculi
Redibit, et surgent colossi
Trans mare veliferum recisi.

Корвинова века изящный уклад
(Времен предрекаю расцвет) возродится;
Предстанут очам изваянья,
Заморским резцом созданы.

Cælata surgent atria marmore,
Horti decentes simplice gratia,
Et porticus pictis stupendæ
Fornicibus, numerisque junctæ.

Мрамор резной изукрасит чертоги,
Сады зашумят, простотою милы,
И стройных колонн вереницы
Вдоль аркад расписных побегут.

Stabit supellex docta Palatii,
Illius antiquæ, illius æmula,
Perenne cujus semper usque
Nomen ad invidiam vigebit.

Будет царский дворец прихотливо обставлен,
Тому в подражанье из древних,
Чье имя одно уж веками
Зависть внушает сонмам людей.

Nil, nil decoris, nil opulentiaë
Deesse tristis Buda tibi gemes⁵⁰.

Нет, Буда, тебе не придется грустить
О недостатке красоты иль богатства.

⁴⁸ Пришествію ихъ пресвѣтлѣйшихъ высочествъ. С. 7.

⁴⁹ См.: Csekey 1956.

⁵⁰ *Hannulik J. Ch. Ode serenissimo [...] Josepho ac serenissimæ [...] Alexandrae, Pesth: Matthiae Trattner, 1800. P. 6–7.*

Последствия этого брачного союза разъяснялись в стихотворении Алоиза Сердахеи, профессора эстетики из Будайского университета. В первом дистихе говорилось:

Arma sonant, Mars vrget equos, et	Оружье гремит, гонит Марс коней,
Bella trahuntur;	в войну запряженных;
Sed procul a Patriae finibus	Вдали от Отчизны границ то оружие
Arma sonant.	звучит.
Dumque Salus Gentium saeuis	Благо народов других вверено силе
versatur in Armis,	оружья,
Tuta per Hungariam Pacis	А на венгерской земле мирно олива
Oliua viret ⁵¹ .	цветет.

В Венгрии «мирно олива цветет», и это не только помогает победить чужеземного врага, но также — опять-таки мистически — в заключительных строках говорится: «Согласием супруги соединятся»:

Vota valent; iamque Omen adest:	Обеты даны, но есть и условие:
Concordia Partes	Конкордия новобрачных
Vniet, ac Faedus[!] Relligionis erit ⁵² .	Соединит, а веру
	определит договор [!].

Сравнение и противопоставление согласия (*Concordia*) и раздора (*Discordia*) было старым топосом в эпиграммах, но здесь оно приобретает политическое звучание. Мир в семье молодоженов означал окончание войн. Оно основано на мифологической сцене, особо любимой авторами свадебной поэзии: свадьба смертного Пелея с богиней Фетидой, когда богиня раздора Эриния на пиру бросила в них яблоком. Этот миф, по крайней мере, в латинской версии, мог быть экстраполирован на свадьбу Иосифа и Александры. В то же время важно подчеркнуть, что события, приведшие к Троянской войне, интерпретировались в эпиграммах с известной долей свободы: раздор не разбивал союза, или, по крайней мере, сонм богов быстро улаживал дело (например, Ференц Надь сочинил довольно запутанный мифологический сюжет⁵³), богини Венера, Минерва и Юнона не вступали в спор, но их достоинства были подарены юной невесте и т. д. Дёрдь

⁵¹ *Szerdahely G.A.* Musa nuptialis coniugibus prophyrogenitis Iosepho [...] et Alexandrae, Buda: Typis Regiae Universitatis, 1800. P. III.

⁵² *Ibid.* P. VII.

⁵³ *Nagy F.* Taedae nuptiales serenissimorum Iosephi, et Alexandrae Austriae, & Russiae principum, quas cecinit grata Simighini comitatus nomine: & haec in Oscina Széchenio pectine mota chelis 1800. Weszprimii: Typis Michaelis Sammer, [1800]. 14. oлд.

Бучански утверждал, что яблоко Париса не вызвало раздора, потому что согласие между русскими и австрийцами с благословения Юпитера принесет оливковую ветвь мира народам:

Hic *Discordia* trux vindiciis mala
Pomum haud proiciet lite, nec Ilium
Perdet Iudicio Dardanius Paris;
His *Concordia* Nuptiis

Здесь ни лютый Раздор вражду не распалит,
Яблоко бросив, ни гибель принесть Илиону
Выбором роковым не поспешит Парис;
Сим Согласие браком

Europae exitium demere destinans,
Russi, atque Austriaci fulminibus Iouis
Circumsepta oleam, pacifica manu,
Fidis gentibus adferet⁵⁴.

От гибели возжелав Европу избавить,
Русским и австрийцам, союзным народам,
В свете молний Юпитера, мирной рукою
Ветвь оливы протянет.

В стихотворении на французском языке Франца Карла Фирлингена говорилось о счастливых днях Париса и Елены. Чувственность противопоставлялась гневу, мир наступал с плодородием: королевские бабочки оплодотворяли цветы (автор играл словами, ведь *monarque* — это и «бабочка», и «государь»). Это единственное стихотворение, содержащее сексуальные мотивы, которые не были редки в эпиграмах, но отсутствовали во всех других рассматриваемых в статье произведениях из-за принадлежности Иосифа и Александры к правящим дворам Европы.

La Nature, en l'honneur de ce siecle
Renouvellant les beaux jours
de Paris et d'Helene,
Jugeoit apropos en faveur des Peuples
Sacrer a l'Hymen la plus noble
scène,

Натура, ради нынешнего дня
Век воскрешая сладостный
Париса и Елены,
Сочла уместным, двух народов для,
Владыке-Гименею предоставить сцену.
Вкушая мир, мы смотрим

C'est dans la paix, qu'on admire
l'Effet divin de son empire
Dans cet auguste ouvrage
Qui par le même bandeau des fleurs
Des deux monarques fit des freres.
Pour lancer le foudre contre la
rage⁵⁵.

в восхищеньи
На дивные плоды его правленья.
На мудрый замысел, который,
Венцом цветочным два чела соединив,
Двух государей в братьев превратил
И между ними учредил
Союз, чтоб положил конец раздору.

⁵⁴ *Bucsánszky G.* Epithalamion. P. 6.

⁵⁵ *Fierlingen F. C.* Ode dediée a son altesse imperiale l'archi-duchesse Alexandre Paulowne. S. d. et 1., P. 3.

Самый необычный поэтический метод избрал Йозеф Матяши. В начале стихотворения он нарисовал апокалиптическую сцену:

A' földnek, mellyen már vértől száraz	На земле не осталось не политой
nyomra	кровью пяди,
Keresve lép a' láb, undorodván	Сотрясся желудок ее, на ужасы глядя,
gyomra,	Тело ее таким трупным хладом
Olly hideg lelte-ki temérdek tetemét,	сковалось,
Mellytől majd le szórta minden	Что на ней ни одной живой души не
élők nemét ⁵⁶ .	осталось.

Юпитер окидывает взором разрушения: провидение надевает ему на нос пенсне (*kárlátó üvegét / Orrára fel-tette*)⁵⁷, точнее, Юпитер уже носил очки, но земля была столь мала, что ему пришлось поднести к глазам еще две линзы⁵⁸. Возможно, этот пример дает понять, что речь идет об очень веселой поэме, своего рода антиэпиграмме. Верховное божество созывает богов и предрекает гибель земли:

Név szerént-is vádolt néhány földieket,	Он крикнул в лицо разжигателям
Mint örök háborút szerző	войны,
mestereket:	Что в кровавой бойне они виновны:
De azt tsak egy Isten, 's egy égben	На это способен лишь один бог,
merhette —	и тот на небесах.
Végre a' halgatást zsbongás	И вопль вытеснил молчанье на устах.
követte ⁵⁹ .	

Боги не хотели уничтожить род людской. Они запаслись амброзией и нектаром, как армия, готовящаяся к походу, и пошли маршем на Буду. Им предстояло определить, что подлежало восстановлению, и принимаются за работу. Точнее, не успевают они приняться за работу, как появляются три женщины, «которые некогда поссорились из-за яблока» (*Kik közt hajdan történt az almáért lárma*)⁶⁰, и богиня усобиц (очевидно, это Эриния), вновь бросившая в них яблоко со словами: «Самые достойные!» (*az érdemesebbek!*)⁶¹. Вместо ссоры три богини примирились, и Венера принесла мир через новый союз:

⁵⁶ *Mátyási J.* Akkori gondolatok. 3. old.

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *Ibid.* 4. old.

⁵⁹ *Ibid.* 8. old.

⁶⁰ *Ibid.* 11. old.

⁶¹ *Ibid.* 12. old.

“Most az emberi Nem”, így szól	«Ныне род людской», — сказала она
mosolyogva,	улыбаясь, —
“Észszel nem bodolgúl, tsak	«Не живет по уму, а действует,
erőnél fogva;	силой играясь;
Hogy hát jót tehessek az alsó világgal,	Чтобы миру людей добро сотворить,
Szövetséget szerzék egy újj	Хочу шурина и деверя породнить.
sógorsággal,	Русскую Елену в жены берет Парис
Orosz Helenáját Béts Párisa jegyzi,	из Вены
“S dárdáját a’ frigyes <i>Kozák</i>	А у <i>казаков</i> сабли остры, ружья
már-is hegyzi” ⁶² .	заряжены».

Матяши переписал хрестоматийную историю Троянской войны. Для него сюжет развивается не от мира к войне, но наоборот: от войны к миру. Помолвка может положить конец борьбе, о которой напоминают ужасные сцены в первой половине поэмы. Однако заслуга поэмы Матяши не только в том, что он творчески переработал топос эпиталамы, но и в соединении сюжета с политическим языком венгерской репрезентативной поэзии. Он перевел «раздор» как «усобица», и так самое грозное греческое божество и национальный грех венгров совпали. Подобная репрезентация интересов привилегированных сословий не была чем-то необычным и встречается в других стихотворениях. В поэтическом сочинении неизвестного автора, назвавшегося «венгерским сердцем», представляется собранием символических элементов венгерской националистической (в домодерном смысле слова) репрезентативной поэзии. В нем великая княжна Александра отправляется в далекое путешествие в «хотя и не чуждый мир / но уже среди варваров»⁶³. В стихотворении на венгерском и французском языках авторства графа Ласло Телеки (1764–1821) в первых строках выражается радость по поводу бракосочетания, а далее тон меняется на более серьезный. Поэт предупреждает новобрачную, прибывшую на свою новую родину, о ее патриотическом долге как жены:

Te pedig PAULOWNA! még nem is	Мы не знакомы, Павловна,
esmérünk:	с тобой:
Még is látom érted buzog bennünk	Но чую, за тебя идти готовы
vérünk ⁶⁴ .	в бой!

⁶² Ibid. 14. old.

⁶³ Öröm énekek, mellyekkel [...] József [...] és Alexándra [...] a’ magyar szívtől megtiszteltetnek. Buda: a’ Királyi Universitásnak betűivel, 1800. 11. old.

⁶⁴ *Teleki L., gróf. Ó királyi hertzege* [...] József értz-hertzegnek élete párvával Alexandra Paulowna ő császári hertzegeével Budára való első meg-érkezésekkor. Pest:

Сей жест символического приятия особенно важен, потому что доблести венгерской нации должны быть не только известны, но и приемлемы:

Téged-is örömmel karjaink fogadnak	Мы с радостью примем тебя в свои
Könnyen le-is köthettz	объятья
bennünket magadnak	Ты легко превратишь нас в своих
Mert hol ennyi virtus van egybe	приятелей
köttetve,	Ибо если столько достоинств воедино
Azt egy illy jó Nemzet imádja	соединились,
szertve ⁶⁵ .	Доброй нации ты уже полюбилась.

Последняя строфа в оде Габора Чепчани призывала соотечественников возрадоваться и побуждала молодую чету, пусть и не прямым текстом, вести себя так, чтобы соответствовать «свободам» своих венгерских подданных:

Lelkek ébredjen, kiket a' Magyar vér	Пробудитесь, души тех, в ком
Éltet. Éledj víg tüze hív hazánknak;	Венгерская кровь
Új napunk támadt, az öröm	Течет. Да воспыхает радостный огонь
hevéből	нашей верной родины;
Óh Magyar olvadj ⁶⁶ .	Настал наш новый день, да опалит
	тебя, о венгр, жар радости.

Это была своеобразная и неизбежная встреча различных поэтических и политических традиций. С одной стороны, возникла традиция эпиталамы и свадебной поэзии; с другой стороны, в силу политической значимости этой свадьбы стихи являются частью политической коммуникации венгерских привилегированных сословий. Для эпиталамы, конечно, требовался оратор, являвшийся частью торжествующей толпы, который говорил бы от имени сообщества и имел доступ как к сокровенным тайнам молодой пары, так и к миру богов. В стихах Йозефа Матяши в него мистическим образом вселилась «душа Аполлона»:

Trattner Mátyás, 1800. 10. old. Брошюра также включает перевод стихотворения на французский. Переводчиком выступил не кто иной, как князь Шарль-Жозеф де Линь, проживавший в то время в Вене. Для атрибуции авторства см.: MTA KIK K. M. Irod. RUI 4r 132/I. Teleki László kisebb költeményei. 11v–12r. О пребывании де Линя в Вене см.: Mansel 2003: 176–208.

⁶⁵ *Teleki L., gróf. Ó királyi hertzegege' [...] Jósef értz-hertzegnek. 12. old.*

⁶⁶ *Cseptsányi G. Fölséges Jósefnek [...] fölséges hitvesével Budára érkezésekor. 7. old.*

Hallgass emberi Nem! szót	Молчи, человеческий род! и ты, венгр,
halljunk Magyarok!	внемли!
Ne lár mázz háború! beszélni	Я держу речь. Война, не сотрясай
akarok.	земли!
Jelenést mutatnak a' mesék' Isteni,	Сказочные божества явили мне откровение,
Mellyet nem láthatott, a' ki	Недоступное тем, кто не
nem isteni.	бессмертного происхождения.
Te azért, ki által titkokat	Ты тот, благодаря кому в тайное
szemlélek,	я проник,
Mennyei tolmátsom! Apollói	Аполлона душа, мой небесный
lélek! ⁶⁷	проводник!

Стоит отметить, что просьба предоставить слово — типичный элемент свадебной поэзии, но речь Матяши заглушает не шум танцевального веселья, а грохот войны. В песне Бенедека Вирага голос общества ставится выше высказываний муз:

Szűnny-meg, óh Múzsám! Ezeren	Умолкни, о моя муза! Тысячи
kiáltyák:	Восклицают:
“Éllyetek boldog napokat! sokáig	«Да будут счастливы ваши дни!
Éllyetek! 's kérünk, kegyesen vegyétek	Да здравствуйте! и, просим,
Áldozatunkat!” ⁶⁸	милостиво примите
	Нашу жертву!»

Вокруг бракосочетания палатина Иосифа и Александры Павловны сложился особый поэтический корпус. С одной стороны, в репрезентацию события вернулись отдельные элементы эпиталамы. С другой стороны, дворянское сообщество смогло поставить эти элементы на службу своему политическому посланию. За высказываниями «здесь и сейчас» можно было спрятать объяснения своего видения истории («откуда мы пришли и куда идем»); мифологический аппарат предлагал схемы объяснений для исторических ситуаций.

Эпилог

Два курьера встретились на полпути между Будой и Санкт-Петербургом. Один нес на северо-восток известие о кончине великой княгини Александры Павловны, другой вез на юго-восток новость о том, что император Павел I был убит. Венгерские сословия

⁶⁷ *Mátyási J.* Akkori gondolatok 3. old.

⁶⁸ *Virág B.* Öröm ének. 4. old.

лишились прямой связи с русским двором, но Габсбурги ее сохранили. Палатин Иосиф продолжал играть ключевую роль в дипломатических сношениях двух империй. В этом смысле брак оказался удачным. Другое дело, что дворянским сословиям Венгрии пришлось признать, что политические ожидания, возлагавшиеся на брак палатина, не оправдались. Из-за преждевременной кончины Александры Павловны их обращения не дошли до адресата. В статье я привел достаточно примеров, как «образованные слои» формулировали свои интересы. Написание стихов открывало возможность говорить о себе, выразить себя и сформулировать политические и социальные ожидания. Причина, по которой поэтическая репрезентация публичного мероприятия (свадьбы) была важна, заключалась не в конкретных политических последствиях социальной практики. Скорее, во внимание следует принять два обстоятельства: во-первых, большое число дошедших до наших дней стихотворений подтверждает, что значительная часть политической коммуникации происходила в сфере культуры; во-вторых — это позволяло довольно широким общественным слоям быть услышанными.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Список сокращений

МТА КИК К — Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár (Budapest)

Список исторических географических названий

Вильна — ныне Вильнюс в Литве

Кашша — ныне Кошице в Словакии, в немецкой традиции Кашау

Лемберг (нем.) — ныне Львов (укр. Львів) на Украине

Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь

Литература

Bödeker 1989 — *Bödeker H.-E.* Die “gebildeten Stände” im 18. und frühen 19. Jahrhundert // Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Part. 4. Politischer Einfluß und gesellschaftliche Formation / hrsg. von J. Kocka. Stuttgart: Klett-Cotta, 1989. S. 21–52. (Industrielle Welle, Bd. 48).

- Csekey 1956 — *Csekey I.* Hannulik János oroszországi kapcsolatai // *Filológiai Közlöny.* 1956. № 2.4. 460–469. old.
- Domanovszky 1944 — *Domanovszky S.* József nádor élete. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1944. I. rész. 466. old.
- Fowler 1971 — *Fowler A.* The life and death of literary forms // *New Literary History.* 1971. Vol. 2. № 2 (Winter). P. 199–216.
- Greene 1957 — *Greene T.M.* Spenser and the epithalamic convention // *Comparative Literature.* 1957. Vol. 9. № 3 (Summer). P. 215–228.
- Greene 1971 — *Greene T.M.* Virginia Tuftte: The poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England // *Renaissance Quarterly.* 1971. Vol. 24. № 2 (Summer). P. 267–269.
- Horváth 1864 — *Horváth M.* Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig: 1–2 köt. Genf: Puky Miklósnál, 1864. 1. köt. 630. old.
- Mansel 2003 — *Mansel Ph.* Prince of Europe. The life of Charles-Joseph de Ligne 1735–1814. London: Phoenix, 2003. 384 p.
- Sebestyén 1939 — *Sebestyén E.* József nádor és Pavlovna Alexandra bevonulása és ünneplés Pest-Budán 1800-ban // *Tanulmányok Budapest Múltjából / szerk. K. Némethy, J. Budó.* Budapest: Budapest Székesfővárosi Házinyomdája, 1939. VII. köt. 142–161. old.
- Schedewie 2015 — *Schedewie F.* Die Bühne Europas. Russische Diplomatie und Deutschlandpolitik in Weimar, 1798–1819. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. 492 s.
- Tuftte 1970 — *Tuftte V.* The Poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England. Los Angeles: Tinnon-Brown, 1970. 341 p. (University of Southern California Studies in Comparative Literature, vol. II).
- Vári — *Vári A.* The functions of ethnic stereotypes in Austria and Hungary in the early 19th century // *Creating the other. Ethnic conflict and nationalism in Habsburg Central Europe / ed. by N.M. Wingfield.* New York: Berghahn, 2003. P. 39–55.
- Vörös 1983 — *Vörös K.* Erzherzog Joseph Anton, Palatin in Ungarn // *Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf 1982 in Graz. Der pannonische Raum zwischen Beharrung und Fortschritt / [hrsg. von M. Lackner-Kundegrabner].* Graz: s. n., 1983. S. 74–85 (Internationales Kulturhistorisches Symposium Mogersdorf, Bd. 14).
- Wheeler 1934 — *Wheeler A.L.* Catullus and the traditions of ancient poetry, Berkeley: University of California Press, 1934. 291 p.

References

- Bödeker, H.-E., 1989. Die “gebildeten Stände” im 18. und frühen 19. Jahrhundert. In: Kocka, J., ed. *Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Part. 4. Politischer Einfluß und gesellschaftliche Formation.* Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 21–52. (Industrielle Welle, Bd. 48).

- Csekey, I., 1956. Hannulik János oroszországi kapcsolatai. *Filológiai Közlöny*, 2,4, pp. 460–469.
- Domanovszky, S., 1944. *József nádor élete*, 1. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 466 p.
- Fowler, A., 1971. The life and death of literary forms. *New Literary History*, 2, 2 (Winter), pp. 199–216.
- Greene, T. M., 1971. Spenser and the epithalamic convention. *Comparative Literature*, 9, 3 (Summer), pp. 215–228.
- Greene, T. M., 1971. Virginia Tuft: The poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England. *Renaissance Quarterly*, 24, 2 (Summer), pp. 267–269.
- Horváth, M., 1864. *Huszonöt év Magyarország történelméből 1823-tól 1848-ig*, 1. Genf: Puky Miklósnál, 630 p.
- Mansel, Ph., 2003. *Prince of Europe. The life of Charles-Joseph de Ligne 1735–1814*. London: Phoenix, 384 p.
- Sebestyén, E., 1939. József nádor és Pavlovna Alexandra bevonulása és ünneplés Pest-Budán 1800-ban. In: Némethy, K., Budó, J., eds. *Tanulmányok Budapest Múltjából*, 7. Budapest: Budapest Székesfővárosi Házinyomdája, pp. 142–161.
- Schedewie, F., 2015. *Die Bühne Europas. Russische Diplomatie und Deutschlandpolitik in Weimar, 1798–1819*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 492 p.
- Tufts, V., 1970. *The Poetry of marriage. The epithalamium in Europe and its development in England*. Los Angeles: Tinnon-Brown, 341 p. (University of Southern California Studies in Comparative Literature, vol. II).
- Vári, A., 2003. The functions of ethnic stereotypes in Austria and Hungary in the early 19th century. In: Wingfield, N. M., ed. *Creating the other. Ethnic conflict and nationalism in Habsburg Central Europe*. New York: Berghahn, pp. 39–55.
- Vörös, K., 1983. Erzherzog Joseph Anton, Palatin in Ungarn. In: [Lackner-Kundegrabner, M., ed.] *Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf 1982 in Graz. Der pannonische Raum zwischen Beharrung und Fortschritt*. Graz: s. n., pp. 74–85 (Internationales Kulturhistorisches Symposium Mogersdorf, Bd. 14).
- Wheeler, A. L., 1934. *Catullus and the traditions of ancient poetry*, Berkeley: University of California Press, 291 p.

Gábor Vaderna

PhD, Habil. Associate Professor, Lecturer, Department of Classical Hungarian Literature, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary / Senior Research Fellow, Institute of Literary Studies, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network, Budapest, Hungary. 1088, Múzeum krt 4/A. E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Occasional Poetry — Representative Poetry. Poetic Representation of the Wedding of Palatine Joseph and Grand Duchess Alexandra Pavlovna

The 16-year-old Grand Duchess Alexandra Pavlovna married the 23-year-old Austrian Archduke Joseph in St. Petersburg on October 30, 1799. The wedding, of course, had dynastic aims: Habsburgs and Romanovs wanted to strengthen their political alliance against France. The newlyweds arrived in Buda, the capital of Hungary, on February 1, 1800. From then on, they were celebrated for several months in a series of representative events. The Hungarian noble estates and the citizens of Pest and Buda expressed their respect on these occasions, but also communicated their political position: what they expected from the Palatine, what they hoped for in the war against the French, and what the duties of the young wife were. Poems were often recited, often sung, and sometimes handed over in printed form at various celebrations (balls, theatre performances, masquerade balls, etc.). This lecture explores the poetic tradition followed by these poems and the different poetic techniques used to communicate the political positions.

Keywords: wedding poetry, diplomacy, political celebration, public sphere

How to cite: Vaderna, G., 2022. Okkazonal'naia poëziia — reprezentativnaia poeziia: Poeticheskaia reprezentatsii braka palatina Iosifa Gabsburga i velikoi kniazhny Aleksandry Pavlovny. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 281–309. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.12.